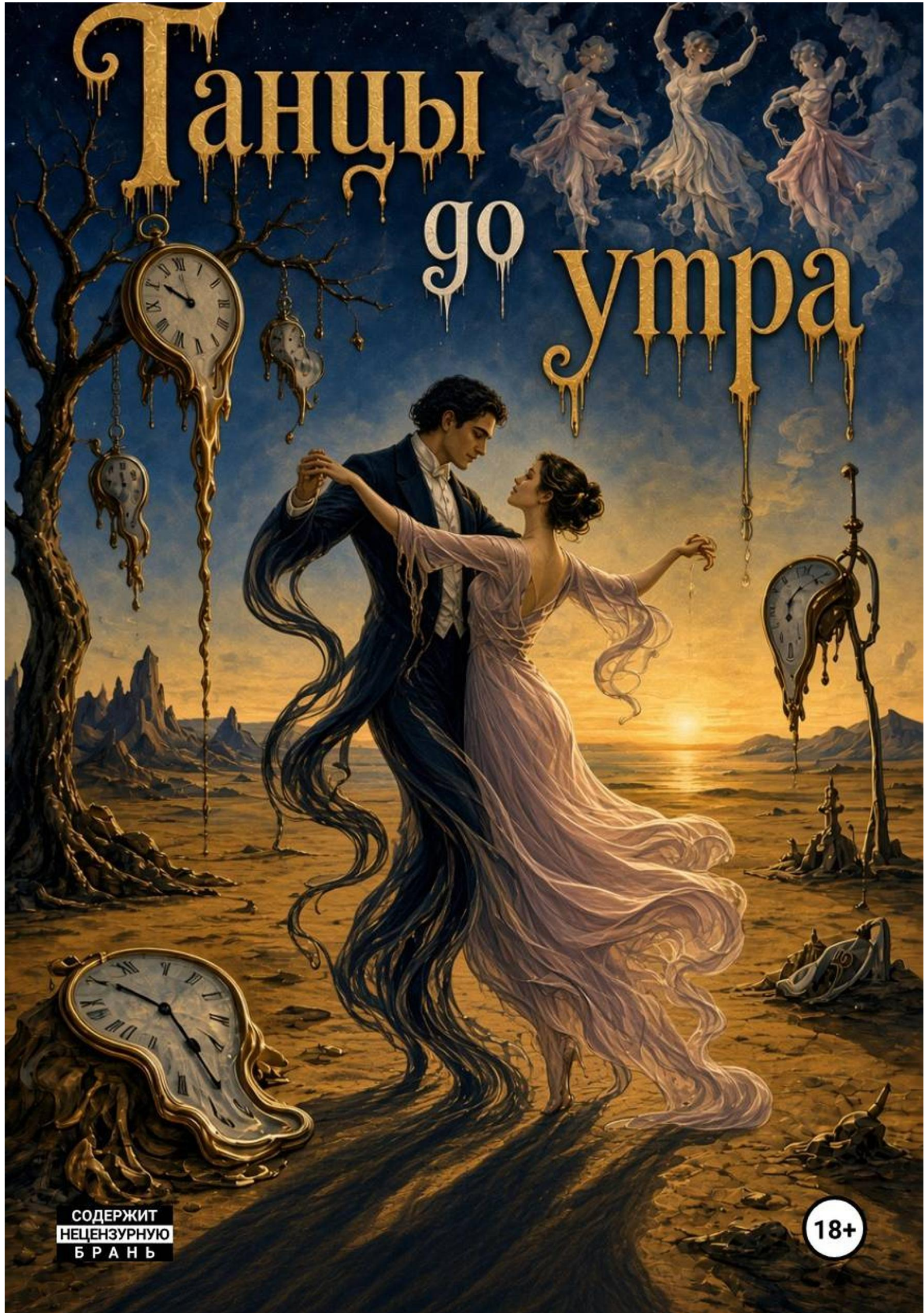

Танцы go утра

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Цветков

Танцы до утра

«Автор»

2026

Цветков А.

Танцы до утра / А. Цветков — «Автор», 2026

Макс, Аня и Андрей — трое друзей, чья дружба и любовь испытываются на прочность одной летней вечеринкой на крыше московского лофта. Ревность, невысказанные чувства и старые секреты сплетаются в тугой узел, когда на празднике появляется человек, чьё присутствие изменит всё: он предупреждает случайного гостя Дениса о брате из прошлого, которое тот считал похороненным навсегда. То, что начиналось как обычный вечер танцев, музыки и почти детской ревности, оборачивается трагедией — и чередой событий, которые заставят Аню, Макса и Андрея заново узнавать друг друга и самих себя. Расследование того, что произошло на крыше, приведёт их к человеку из «Комитета», к криминальному прошлому одного из них и к вопросу, который каждый вынужден задать себе: что мы готовы сделать ради тех, кого любим? Роман о дружбе, ревности и цене взросления — там, где романтика одной ночи сталкивается с жестокой изнанкой чужих тайн.

© Цветков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Цветков

Танцы до утра

Глава

Танцы до утра

Автор
Алексей Цветков

ПРОЛОГ

Тот, кто не танцует

Он стоял у окна в своей крошечной квартире на «Академической» и смотрел, как город зажигается огнями. Солнце зашло за горизонт, окрасив небо кроваво-красным закатом, на часах было семь вечера. Москва переходила в ночной режим — где-то уже открывали двери клубов, наливали первый виски в баре на Патриках, включали светодиодные экраны над Тверской. Внизу, во дворе, дворник сгребал в кучу опавшие листья, хотя было уже слишком темно, чтобы видеть, что он делает; наверное, он работал по памяти, по привычке, как человек, который давно перестал ждать благодарности за свою работу.

Макс любил это время. Сумерки, когда день еще не умер, но ночь уже дышит в затылок. В такие моменты он чувствовал себя невидимым, как будто он становился для всех прозрачным. Он мог идти по улице, и никто не смотрел на него — все спешили, все были заняты собой, кто-то торопился скорее попасть домой чтобы разделить ужин с близкими и усесться у телевизора, кто-то торопился на ночную смену. Он был просто еще одним телом в потоке, одной тенью среди тысяч теней, и в этой анонимности была своя странная свобода. Никто не ждал от него объяснений, кто он и почему здесь, почему не спешит и не суетится. Никто не спрашивал, почему он один.

Квартира была маленькой — двадцать квадратных метров, купленных в кредит, который он выплачивал уже четвертый год. Обои цвета несвежего кофе, доставшиеся от прежних хозяев, потрескавшийся линолеум на кухне, полка с детективами, выстроенными по цвету корешков, а не по алфавиту — так было красивее. Он любил порядок, хотя порядка в его жизни было немного.

На столе лежал нож. Обычный кухонный нож с деревянной ручкой — он купил его в «Ашане» за двести рублей вместе с упаковкой туалетной бумаги и пачкойпельменей, просто потому что старый нож затупился и им было неудобно резать хлеб. Ничего зловещего в этой покупке не было, просто кухонный прибор для колбасы и хлеба. Макс взял его, pokrутил в руках, посмотрел, как лезвие тускло блеснуло в свете светодиодной люстры с китайского маркетплейса. Он усмехнулся собственной мысли — какой-то нелепой, почти детской мысли, мелькнувшей на границе сознания и тут же им же самым отвергнутой — и положил нож обратно на стол, рукояткой к себе, как будто это имело значение.

— Сегодня пятница, — прошептал он, обращаясь то ли к комнате, то ли к своему отражению в темном стекле. — Сегодня будет весело... наверное.

Он посмотрел на электронные часы на запястье, уже без четверти восемь. Через два часа он должен был заехать за Аней.

Часть I

ГОРОД ОГНЕЙ

Глава 1

Жизнь до

Аня проснулась в своей комнате в коммуналке на «Тульской» — большой, старой квартире с высокими потолками и скрипучими полами, которую когда-то, судя по лепнине на потолке, населяла зажиточная семья, а теперь делили между собой пять случайных жильцов, объединенных только договором найма и общей кухней, пропахшей чужими ужинами. Она жила здесь уже три года, с тех пор как приехала из небольшого городка под Рязанью. Тогда ей было восемнадцать, и казалось, что Москва проглотит ее целиком — так и вышло, только глотала она сама, по кусочку, привыкая к вкусу этого огромного, равнодушного, прекрасного города.

Она потянулась и посмотрела в потолок, где трещина напоминала карту рек — извилистая, разветвляющаяся, будто кто-то нарисовал на штукатурке маленькую Волгу с притоками. Аня иногда воображала, что плывет по этой трещине на лодке, минуя города и деревни, и в конце концов доплывает до дома, до Рязани, до маминной кухни, где пахнет свежим хлебом и яблоками.

Аня работала бариста в кофейне на Никольской — непыльная работа, но зато можно было смотреть на туристов и придумывать им биографии. Вот идет мужчина в дорогом пальто — наверное, у него есть большой красивый дом на две семьи и жена, которая его не понимает. Вот девушка с рюкзаком — студентка по обмену, приехала на семестр, влюбится в московского парня и потом будет плакать в самолете, улетая домой после проваленной из-за него сессии. Вчера она обслуживала того самого мужчину в пальто, и он оставил ей чаевые в тысячу рублей, ничего не сказав, просто положив купюру под блюдо. Это был знак. Сегодня будет хороший день.

Аня встала, подошла к зеркалу, висящему на гвозде — треснутому в углу, отчего ее отражение немного двоилось, — и внимательно осмотрела себя. Длинные каштановые волосы, зеленые глаза, родинка над левой бровью, которую в детстве бабушка называла «поцелуй ангела». Она знала, что симпатичная, но никогда не считала себя красивой. Просто милая. Этого ей было достаточно — или она убеждала себя, что достаточно, потому что мысли о собственной привлекательности всегда казались ей чем-то стыдным, чем-то, о чем неприлично думать вслух и тем более говорить в обществе.

Телефон завибрировал на тумбочке, среди рассыпанных заколок и полупустого тюбика крема: сообщение от Макса.

«Сегодня в 22:00 на крыше хлебозавода. Будут французы. Приходи в том платье, в блестях. Я тебя люблю».

Аня улыбнулась — сначала одними губами, потом уже настоящей улыбкой, до ямочек на щеках. Максим был хорошим парнем — надежным, заботливым и добрым, немного неуклюжим. Он всегда носил запасной зонт, даже когда прогноз обещал солнце. Он всегда помнил, что она не любит грибы в салате, хотя сам грибы обожал и молча выковыривал их себе на край тарелки. Он всегда говорил, что любит её — по три, по четыре раза за день, будто боялся, что если замолчит хоть на сутки, она забудет и уйдет. Аня ценила это в нем, по настоящему ценила, ей нравилось как он к ней относился. Но иногда, где-то в самой глубине, куда она сама предпочитала не заглядывать, ей хотелось, чтобы он был чуточку смелее, чуточку беспечнее. Чтобы он мог танцевать так, как Денис — не думая о том, как он выглядит со стороны, не считая шаги, не боясь показаться смешным.

Она тут же одернула себя, привычным, почти автоматическим движением мысли. Не надо сравнивать, Максим это Максим, а Денис это Денис. Аня любила Макса, искреннее без

притворств и обмана. Просто любовь бывает разной — не всегда громкой, не всегда с искрами. Иногда любовь — это зонт, который тебе принесли, хотя ты не просила.

Аня взяла с тумбочки фотографию в деревянной рамке — они с Максимом в парке Горького, смеются, мороженое течет по рукам, а на заднем плане какой-то случайный прохожий с собакой смотрит прямо в объектив с недовольным лицом, что почему-то всегда её смешило. Хорошее было лето. Она поцеловала фотографию — легко, привычным жестом, как крестится человек, проходя мимо церкви, — и пошла завтракать.

У нее была привычка — каждое утро наливать себе чашку чая с бергамотом в щербатую кружку с отколотой ручкой, садиться у окна на подоконник, подложив под себя старую подушку, и просто наблюдать за двором. Там всегда кипела жизнь: бабушка в цветастом халате выгуливала таксу по кличке Дозор, мальчики играли в футбол консервной банкой вместо мяча, кто-то ругался на парковке из-за не туда поставленной машины, ворон каркал на проводах, как будто комментируя происходящее с высоты своего птичьего цинизма.

Аня думала о своей матери, которая осталась в Рязани, в доме с покосившимся забором и вишней под окном, посаженной еще дедом. Мама работала на местном хлебозаводе — смешно, получается, Аня тусила на крыше хлебозавода, а мама пекла хлеб на настоящем, вставая в четыре утра, чтобы к семи в магазинах уже лежали свежие батоны. Аня редко звонила домой — слишком больно слышать голос матери, в котором звучит разочарование, аккуратно завернутое в заботу, как горькое лекарство в сладкую облатку.

— Ты хоть деньги присылаешь, — говорила мама в последний раз, и в этой фразе было столько всего: и обида, что дочь так далеко, и гордость, которую она не умела показывать, и страх, что Москва сломает её девочку так же, как сломала соседскую Свету, которая вернулась через два года с испорченными зубами, пустыми глазами и ребенком с неизвестным отцом. Хорошо, что хотя бы вернулась.

Аня вздохнула и допила чай, глядя, как последний листочек бергамота кружится на дне кружки.

На кухне уже кто-то жарил яичницу — судя по запаху лука и подгоревшего масла, это была Валентина Петровна, самая старшая жиличка квартиры, семидесятидвухлетняя вдова, которая когда-то, по слухам, работала костюмершей в Большом театре, а теперь коротала дни за просмотром сериалов и мелким брюзжанием на молодежь. Она сидела за колченогим столом, накрытым клеенкой в клетку, и мазала маргарин на серый хлеб толстым слоем, будто маргарин был чем-то, что могло закончиться прямо сейчас.

— Опять поздно легла, — сказала она, не оборачиваясь, будто у нее на затылке был третий глаз. — Слышала, как ты по коридору топала.

— Доброе утро, Валентина Петровна, — Аня достала из шкафчика свою кружку — вернее, ту, что осталась после чая, — и налила себе воды из-под фильтра.

— Молодость, — вздохнула соседка с той особенной интонацией, в которой смешивались осуждение и легкая, почти незаметная зависть. — Вот в мое время девушки в двадцать два уже замуж выходили. А ты все с этим своим... как его... который зонтики носит.

— Максим, — подсказала Аня, пряча улыбку.

— Вот-вот. Хороший мальчик. Скучный только, — Валентина Петровна отправила в рот кусок хлеба и продолжила с набитым ртом. — Мужчина должен искру давать, а не зонтик.

Аня промолчала, потому что спорить с Валентиной Петровной было все равно что спорить с прогнозом погоды — бесполезно, и к тому же в глубине души она подозревала, что старуха не так уж и неправа.

Из своей комнаты вышел Игорь — айтишник с третьего этажа их квартиры (хотя этаж был один, просто так было принято говорить), в наушниках, с ноутбуком подмышкой, и, не поздоровавшись, скрылся в ванной. Дверь хлопнула. Из-за двери донеслось характерное шипение душа.

— Целыми днями с этими своими компьютерами, — прокомментировала Валентина Петровна ему вслед. — Не мужчина, а функция.

Аня посмотрела на часы над плитой — старые, советские, с треснувшим стеклом, которые почему-то всегда спешили на семь минут, и все в квартире это знали, но никто не удосужился их поправить, потому что за три года это превратилось в своего рода семейный ритуал: «часы врут, не пугайся». Пора было собираться на работу.

Дорога от «Тульской» до Никольской занимала сорок минут — сначала на метро, зажатой между чьими-то локтями и рюкзаками, потом пешком через Красную площадь, которую Аня, как ни странно, до сих пор не могла воспринимать как что-то обыденное. Каждый раз, выходя из тени арки на простор площади, где брусчатка блестела после утренней уборочной машины, а купола собора Василия Блаженного вспыхивали на солнце, будто кто-то раскрасил небо леденцами, она чувствовала легкий укол восторга — тот же самый, что и в первый день, когда она, восемнадцатилетняя, с одним чемоданом и материнским пирогом в пакете, стояла на этом самом месте и плакала от того, насколько все это было ошеломляюще, огромно и прекрасно.

Туристы уже толпились у Мавзолея, щелкая камерами, выстраиваясь в очереди за сувенирными матрешками с лицами президентов, а голуби деловито расхаживали между ног, выискивая крошки, как будто площадь принадлежала им, а не людям. Аня прошла мимо уличного музыканта, который каждое утро играл на аккордеоне одну и ту же мелодию — что-то среднее между вальсом и грустной песней про Москву, — и бросила в его раскрытый футляр десять рублей, хотя знала, что этого едва хватит на билет в метро, не то что на жизнь.

Кофейня открывалась в семь тридцать, и Аня всегда приходила первой, чтобы включить кофемашину, дать ей прогреться, расставить свежую выпечку в витрине и включить негромкую джазовую музыку, которая, по мнению хозяйки, должна была создавать «атмосферу европейского уюта в самом сердце России», хотя чаще создавала лишь ощущение, что где-то далеко играет чей-то чужой праздник.

— Ты сегодня какая-то особенная, — заметила Марина, вторая бариста, вбегая в кофейню за пять минут до открытия, на ходу застегивая фартук и заправляя выбившуюся прядь под шапочку. — Влюблена, что ли?

— Просто выпалась, — соврала Аня, хотя на самом деле причина была в другом — в ощущении, тонком и щекочущем, как первый снег, что сегодня вечером на крыше хлебозавода будет что-то важное, что-то, что она пока не могла назвать словами, но чувствовала кожей, как чувствуют приближение грозы за час до первого грома.

— Ага, конечно, — Марина подмигнула ей и включила кофемашину. — У тебя лицо как в тот раз, когда ты влюбилась в того француза-туриста, который потом улетел и больше не написал.

— Это было давно, — Аня отвернулась к витрине, делая вид, что поправляет круассаны, хотя на самом деле пряталась от собственного смущения. Марина всегда умела находить эти маленькие болевые точки — не со зла, а просто потому, что слишком хорошо знала Аню, три года бок о бок за одной барной стойкой сближают лучше любой дружбы, выкованной за бокалом вина.

День тянулся привычной чередой лиц и заказов — латте с овсяным молоком без сахара, капучино с корицей, «а можно без пенки, но чтобы была пенка», флэт уайт для парня в очках, который каждый день читал один и тот же потрепанный томик Бродского и никогда не поднимал глаз от страницы, даже когда Аня ставила перед ним чашку. Она любила эту часть работы — не сам процесс приготовления кофе, а эти крошечные, почти незаметные истории, которые проступали в людях, если приглядеться: усталость в глазах курьера, забежавшего на пять минут; нервозность девушки, готовящейся, судя по всему, к собеседованию, которая раз десять

переспросила, крепкий ли эспрессо; тихая нежность пожилой пары, которая каждый четверг заказывала один капучино на двоих и делила его, передавая чашку друг другу через стол.

Ближе к вечеру, когда солнце начало клониться к крышам и золотить купола через окно кофейни, Аня достала телефон и написала Максиму:

«Уже жду вечер. Что за французы?»

Ответ пришел почти мгновенно, будто он держал телефон в руке все это время, ожидая ее сообщения:

«Друзья Дениса, музыканты какие-то. Обещают привезти вино и хорошее настроение. Я по тебе скучаю, хотя видел тебя вчера».

Аня улыбнулась экрану — так, что Марина, проходящая мимо с подносом грязных чашек, снова закатила глаза и что-то пробормотала про «телячьи нежности». Но за этой улыбкой, где-то на самом доньшке, шевельнулось что-то другое — легкое беспокойство, тень сомнения, которую она сама не могла толком объяснить. Может быть, дело было в том, что имя Дениса в сообщении отозвалось в груди чуть сильнее, чем должно было отозваться имя простого знакомого. А может быть, она просто устала и придумывала себе проблемы там, где их не было — как обычно делают люди, которым слишком хорошо, чтобы в это поверить.

Она убрала телефон в карман фартука и пошла принимать следующий заказ, отгоняя эту мысль так же, как отгоняла надоедливую муху — легким, привычным движением, не задумываясь всерьез, куда та потом улетит.

Кофейня закрывалась в девять, и последний час всегда тянулся особенно медленно — редкие посетители, уставшие после работы, заходили на кофе навынос, роняли по пути крошки от круассанов, забывали зонты на спинках стульев, а потом Аня и Марина в четыре руки протирали столы, пересчитывали кассу, составляли стулья на столешницы, чтобы утром уборщица могла спокойно вымыть пол. В такие минуты, среди звона убираемой посуды и шороха швабры, между ними обычно завязывались те самые разговоры, которые не заводят с людьми, знакомыми меньше трех лет, — о родителях, о деньгах, о том, что будет через десять лет, если вообще что-то будет, а не просто бесконечное повторение одних и тех же дней, склеенных друг с другом, как страницы отсыревшей книги.

— Ты серьезно думаешь идти сегодня на крышу в этом платье? — спросила Марина, вешая фартук на крючок у двери подсобки. — Там же холодно будет, конец сентября все-таки.

— У меня есть куртка, накину сверху, — отмахнулась Аня, снимая шапочку и распуская волосы, которые тут же рассыпались по плечам темной волной. — Максим обещал занять место у самого края, откуда видно всю Москву.

— Романтично, — Марина хмыкнула, и в этом хмыке было что-то двойственное не то одобрение, не то легкая усталость от чужого счастья, которая иногда накатывает на людей, у которых в личной жизни давно все не так гладко. У Марины был муж, с которым она прожила шесть лет и с которым, по ее собственным словам, «страсть давно превратилась в совместную ипотеку». — Только смотри, не свались с этой крыши. Хлебозавод не для того реконструировали, чтобы москвички падали оттуда пьяными в двадцать один год.

— Я не буду напиваться, — пообещала Аня, хотя обе они прекрасно знали цену подобным обещаниям, произнесенным вечером пятницы человеком двадцати одного года.

Они вышли на улицу вместе, заперли дверь, проверили — дважды, как того требовала хозяйка, — и разошлись в разные стороны: Марина к метро, Аня — тоже к метро, но с пересадкой, потому что домой ей нужно было заехать переодеться, а времени до встречи оставалось всего два часа.

Дома, в своей комнате, освещенной единственной настольной лампой с треснувшим оранжевым абажуром, Аня долго стояла перед открытым шкафом, разглядывая скудный, но любовно подобранный гардероб — три платья, одна юбка, которую она не носила с прошлого лета, потому что немного поправилась, и куча футболок, купленных на распродажах в перехо-

дах метро. Платье в блестках висело с самого края, между строгим черным, которое она надевала на собеседования, и голубым летним сарафаном, пахнущим лавандовым саше, которое мама положила ей в чемодан три года назад и которое до сих пор, каким-то чудом, не выветрилось.

Она сняла форменную рубашку кофейни, пахнущую эспрессо и ванильным сиропом, и надела платье — оно облегло фигуру ровно настолько, чтобы чувствовать себя красивой, но не настолько, чтобы чувствовать себя выставленной напоказ. Блестки ловили свет лампы и рассыпали его крошечными бликами по стенам комнаты, как будто она сама была маленьким диско-шаром. Аня покрутилась перед зеркалом треснутым, двоящим отражение, и на секунду ей показалось, что в этом раздвоении есть что-то пророческое, будто зеркало пыталось сказать ей: сегодня вечером ты будешь не одна, а сразу две — та, что любит Максима, и та, другая, о существовании которой она сама предпочитала не думать.

Она тряхнула головой, отгоняя эту мысль так же, как отгоняла все неудобные мысли быстро, привычно, не давая им укорениться, накрасила губы темно-красной помадой, которую берегла для особых случаев, взяла из шкафа джинсовую куртку, накинула на плечи и, бросив последний взгляд на фотографию с Максимом в парке Горького, вышла из комнаты.

Валентина Петровна, все еще сидевшая на кухне перед телевизором, где шел какой-то бесконечный сериал про несчастную любовь на фоне богатых интерьеров, окинула ее взглядом с ног до головы и покачала головой не то одобрительно, не то осуждающе, у нее всегда было сложно понять разницу.

— Хороша, — сказала она наконец. — Только домой не позже часу, а то мне потом не спится, пока не услышу, как ты дверь закрываешь.

— Постараюсь, Валентина Петровна, — улыбнулась Аня и, накинув на плечи сумку, вышла в темнеющий сентябрьский вечер, где город уже включал свои огни, один за другим, как будто кто-то невидимый ходил по улицам и зажигал спички в каждом окне.

Метро в пятницу вечером было переполнено — люди с работы, студенты, спешащие на свои первые в жизни вечеринки, парочки, держащиеся за руки с той особенной нежностью, которая свойственна только началу отношений, когда каждое прикосновение еще что-то значит. Аня стояла, держась за поручень, и смотрела на свое отражение в темном стекле напротив — размытое, дрожащее вместе с вагоном, и думала о том, что где-то там, на крыше старого хлебозавода, уже, наверное, расставляют колонки, разливают вино в пластиковые стаканчики, а Максим, скорее всего, уже стоит у края и высматривает ее в толпе, поглядывая на часы каждые пять минут, потому что он всегда приходил первым на все мероприятия, всегда, без исключений.

Аня вышла на нужной станции, поднялась наверх, в прохладный вечерний воздух, пахнущий палой листвой и первыми признаками осени, и пошла в сторону хлебозавода — туда, где уже слышалась музыка, доносящаяся откуда-то сверху, с крыши, будто сам город приглашал ее на праздник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.